

И. А. БУНИНЪ

Присужденіе Нобелевской преміи нашему русскому писателю — изгнаннику Бунину является торжествомъ не только для русской страждущей эмиграции, но и величайшимъ праздникомъ для всей старой, разрушенной международными коммунистами, Россіи.

Въ эти дни побѣды русскаго духа въ лицѣ Бунина мнѣ хочется на страницахъ нашего журнала подѣлиться съ читателями-казаками воспоминаніями о встрѣчахъ съ писателемъ издалика (пишу «издалека» ибо Иванъ Алексѣевичъ на начинающихъ смотрѣлъ горделиво и не удостаивалъ насъ даже кивкомъ головы).

Въ тѣ далекіе нынѣ годы Бунинъ создалъ свою знаменитую «Деревню» и появленіе его въ писательскихъ кругахъ всегда вызывало необыкновенный интересъ къ его личности.

Еще въ самомъ началѣ революціи въ Москвѣ продолжалъ свою дѣятельность литературно-художественный кружокъ «Среда», свившій прочное гнѣздо въ уютныхъ залахъ дома Востряковыхъ на Б. Дмитровкѣ, и туда тянуло всю литературную молодежь. Залы кружка всегда были полны и мы съ трепетомъ взирали на эстраду, гдѣ обычно возсѣдали веселый и милый старикъ Ю. А. Бунинъ (родной братъ Ивана Алексѣевича, сотрудникъ педагогическихъ журналовъ, по внѣшности напоминающій сельскаго учителя и обутый всегда въ сапоги), почти неизмѣнный предсѣдатель собраній, Иванъ Алексѣевичъ, А. Толстой, Чириковъ, Серафимовичъ, Илья Эренбургъ, Лидинъ, Ауслендеръ, художникъ Апполинарій Васнецовъ, молодой писатель Ашукинъ, В. П. Ютановъ, издатель сборниковъ «Сполохи» и др. Арцыбашевъ на сѣдалище большихъ никогда не поднимался, а обычно шагаль въ одиночествѣ по заламъ въ черной бархатной рубахѣ и высокихъ сапогахъ.

Къ началу собранія публика сходилась аккуратно и лишь, какъ общее правило, сильно запаздывали Бунинъ и Чириковъ и ихъ всѣ терпѣливо ожидали. Нервничалъ и суетился лишь братъ Ивана Алексѣевича. «Хм.. что же это братъ опять такъ долго! Хм... Гдѣ же это Ваня застрялъ!..»

На собраніяхъ «Среды» обычно кто-нибудь изъ писателей читалъ свой новый рассказъ, а потомъ его слегка подвергали критической трепкѣ, но трепали по свойски и совершенно безъ обиды для автора. Бунинъ въ такихъ случаяхъ помалкивалъ, да и, надо сказать, въ этой области онъ растачать глаголовъ почти не умѣетъ, краснорѣчіемъ его Господь Богъ не надѣлилъ. Помню, какъ Апполинарій Васнецовъ, застѣнчивый, въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ, читалъ свой первый рассказъ «Колокольня», такой прескучный и длинный, что всѣ стали перешептываться, а Иванъ Алексѣевичъ, зѣвая, громко стучалъ ложечкой объ стаканъ.

Во время чтенія обыкновенно старый лакей приносилъ на эстраду чай и уже въ революціонные дни, когда слово «товарищъ» вползло повсюду, Ю. А. Бунинъ крикнулъ уходившему лакею:

— Человѣкъ! и мнѣ чаю!

— Что ты, братъ, какіе же теперь человѣки! — сказалъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Ну, а какъ же я назову его товарищемъ, вѣдь мы не одногодки...

На одномъ изъ самыхъ послѣднихъ собраній «Среды», уже не въ домѣ Востряковыхъ, а въ помѣщеніи юридическаго общества, Бунинъ рѣзко возмущался какимъ то страннымъ стихотвореніемъ Блока «Скифы» (къмъ то изъ писателей прочитаннымъ). Блокъ тогда причалилъ къ большевикамъ, и мы всѣ горячо аплодировали Бунину.

Вскорѣ послѣ этого собранія Иванъ Алексѣевичъ покинулъ Москву навсегда.

Въ изгнаніи на собраніи «Зеленой лампы» мнѣ довелось слушать, какъ Бунинъ читалъ свое стихотвореніе на церковно-славянскомъ языкѣ и, какъ сказалъ онъ самъ, оно «единственное въ русской поэзіи»...

Пожелаемъ нашему гордому побѣдителю И. А. Бунину счастливыхъ и плодотворныхъ лѣтъ.

Д. Воротынский.

ДѢДЪ ГЕНЕРАЛА БАКЛАНОВА

Въ концѣ минувшаго столѣтія, въ то время, когда Суворовъ только что началъ строить укрѣпленія по правому берегу Кубани, партія казаковъ-оохотниковъ, или, какъ тогда называли ихъ, «гулебщиковъ», расположилась таборомъ на берегу Малаго Зеленчука, и нѣсколько человѣкъ изъ нея тотчасъ же отправились для осмотра окрестностей и мѣстъ, удобныхъ для охоты. Въ то время партія горцевъ, человѣкъ до 150, подъ предводительствомъ князя Канокова, безопасно шла съ верховій Зеленчука на Кубань для грабежа въ русскихъ предѣлахъ.

До тридцати молодыхъ черкесовъ вздумали пооджигитовать и незамѣтно ушли далеко впередъ отъ партіи. Одинъ изъ джигитовъ, вскочивъ на высокой курганъ, привычнымъ взглядомъ окинулъ окрестность и замѣтилъ вдаль пробиравшася среди зарослей вершника въ необыкновенной одеждѣ, съ длинной пикою и съ винтовкой за плечами. Горецъ крикнулъ товарищей, и молодежь, окружившая со смѣхомъ всадника, потребовала, чтобы онъ слѣзъ съ коня и, положа оружіе, приблизился къ нимъ. Дѣлать было нечего. Мрачно взглянулъ казакъ на джигитовъ, злобно улыбнулся, медленно сползъ съ коня, снялъ съ себя саблю, винтовку и кинжалъ, воткнулъ пику въ землю и, накинувъ поводья на луку, подошелъ къ нимъ. На вопросъ казака по нагайски — что имъ нужно? — раздался дикій хохотъ... Неуклюжій охабень, высокая рысья шапка, надѣтые на неповоротливаго повидимому пеглевана (богатыря), его тупой взглядъ изъ-подъ нависшихъ бровей, грязное загорѣлое лицо такъ насмѣшили молодыхъ людей, что они велѣли казаку взять оружіе, сѣсть на коня и слѣдовать за ними. Молча, истымъ увальнемъ, вооружился богатырь и не сѣлъ, а взвалился на чалаго